

ЧЕТВЕРГ

Конец света немного откладывается

— Теперь, — объявляет нам учитель ОБЖ, — вы в полной безопасности.

Я заправляю резинки от маски за уши и оборачиваюсь. Мы похожи на начинающих налетчиков, проходящих курс интенсивной подготовки. Господин Кац сдергивает маску с лица Дженнифер, показывает, что она вывернута наизнанку, и, надев как надо, заключает:

— Главное, не забывайте каждое утро менять забитый пыльной фильтр, который находится между слоями биополиамида, иначе он потеряет защитные свойства. И в любом случае вы не должны находиться снаружи больше одного часа в день. Спортивные мероприятия и игры во дворе отменяются до поступления новых распоряжений. Ясно?

Все хором отвечают, но из-под масок слов не разобрать. И в этом есть плюс: теперь никто не будет проверять, как мы приготовились к уроку, — с внезапными устными опросами покончено!

— Разумеется, это всего лишь меры предосторожности, — добавляет господин Кац фальшиво бодрым тоном, стараясь ни на кого не смотреть. — Опасность, известная как грипп-V, пока не получила окончательного подтверждения. Вирус гриппа у растений не обязательно мутирует и становится опасен для человека. Однако мы должны защитить себя, исходя из Принципа предосторожности. Кто напомнит нам, что такое Принцип предосторожности?

Дженнифер поднимает руку, отгибает край маски и отвечает:

— Это когда боишься, что в тебя выстрелят, и стреляешь первым.

Весь класс смеется. Сквозь маски это звучит как «пфр-р-р». Господин Кац тяжело вздыхает, будто в него уже выстрелили, но воздерживается от комментариев и начинает раздавать средство для вакцинации. Это шприц-ручка с надписью «Анти-поллиноз». Способ применения: открыть и приложить к внутренней поверхности предплечья. Игла сама находит вену, прокалывает ее и дезинфицирует место укола.

— Объявляю небольшой перерыв, сделайте себе прививку прямо сейчас.

Он добавляет успокаивающим тоном, что это необходимо на тот случай, если мы потеряем маску и вдохнем пыльцу.

— А вы, мсье, — не унимается Дженнифер, — почему вы сами маску не носите? С этими масками что-то не так? Какие-нибудь побочные эффекты?

Учитель бросает враждебный взгляд на мою единственную школьную приятельницу. С тех пор как она за два дня потеряла двенадцать килограммов благодаря моему воздействию на ее жировые клетки, Дженнифер просто не узнать. Она стала язвительной и резкой, словно решила расквитаться с другими за то, что всегда чувствовала себя уродиной. Или это и есть ее настоящий характер, который скрывался до поры до времени — как и ее красота — под лишними килограммами? Если ты некрасив, то притворяешься симпатягой, чтобы тебя все-таки любили. Это Дженнифер сказала мне сегодня утром, когда я упрекнул ее в излишней агрессивности. И добавила: «Тебе тоже не надо ни с кем церемониться».

Она думает, со мной происходит в точности то же самое, что и с ней. Еще неделю назад я тоже был жиртрестом и старалсяшний раз не привлечь к себе внимания, это правда.

Но я и теперь продолжаю делать все, чтобы меня не замечали. И пока она самоутверждается в мини-юбке и обтягивающей маечке, зажигая парней (чтобы потом облить их презрением), я прохожу мимо всех с отсутствующим видом в прежней, ставшей мне слишком просторной одежде. Дело в том, что я вынужден хранить одну страшную тайну, которую не выдам даже под пыткой. У Дженнифер другая история: ей не терпится наверстать упущенное.

— А вы уже сделали себе прививку, мсье? — настаивает она.

— У взрослых это происходит автоматически, через чип, — отвечает учитель. — Интенсивный поток молекул вакцины посылается пульсирующими микроволнами в мозг каждого, кому исполнилось тринадцать лет. Таким образом, ночью я был вакцинирован, как и семьдесят процентов граждан.

— А где доказательства? — спрашивает Дженнифер, мило улыбаясь. — В конце года вы уйдете на пенсию, и правительство здорово экономит, если вы загнетесь от гриппа-V.

Под масками раздаются глухие смешки. Господин Кац ограничивается замечанием, что перед угрозой эпидемии Министерство здравоохранения не делает никакой разницы между гражданами. Это полное вранье, выгодное только тем, кому больше тринадцати лет, с учетом, что мозговой чип позволяет правительству следить за каждым двадцать четыре часа в сутки. Следить в общих интересах, разумеется. С нами — со мной и Дженнифер — это случится через три месяца. Если только конец света не наступит раньше.

— А почему у нас вдруг должна начаться аллергия на деревья? — не отстает Дженнифер.

Учитель отводит взгляд и задерживает шторы. Затем медленно, словно дряхлый старик, опускает плоский экран поверх доски, на которой написана тема урока: *Как действовать человеку, если против него восстала природа?*

— Сейчас вы услышите все, что вам нужно знать, — роняет он равнодушно, — а потом мы вернемся к учебной программе. Не будем драматизировать ситуацию, но и легкомыслие здесь неуместно.

Он нажимает на кнопку пульта, и начинается официальный ролик, который я уже три раза видел дома.

*Министерство зеленых насаждений
Порядок эвакуации гражданского населения*

Звучат первые аккорды государственного гимна, и на экране плывет, развеваясь, как в замедленной съемке, флаг Объединенных Штатов. Мы встаем. Это обязательный ритуал, за его нарушение могут оставить на три часа после уроков. Гимн прерывается на третьем такте, сменяясь тревожной музыкой. Низкий звук синтезатора зловеще пульсирует на фоне картинки с идиллическим лесом. Внезапно картинка становится красной и начинает мерцать. Вверху экрана вспыхивает прямоугольник с надписью «Учебная тревога».

Камера наезжает на мрачную физиономию министра зеленых насаждений, лысого господина с заостренным черепом, который за двадцать четыре часа стал самым узнаваемым членом правительства. Все ждут от него мер по преодолению кризиса, хотя еще неделю назад он был министром игры. Очень может быть, что он даже не успел ознакомиться с материалами, однако произносит свою речь так непринужденно, будто не читает ее с телесуфлера.

— Граждане и гражданки Объединенных Штатов! Настало время серьезных испытаний, но правительство держит ситуацию под контролем. Приняты все меры, чтобы предотвратить угрозу. По неизвестной пока причине некоторые растения способны переносить вместе с пылью чрезвычайно опасные вирусы. Постоянное ношение респираторной маски в сочетании

с немедленной бесплатной вакцинацией от пыльцы, которую обязаны пройти все дети младше тринадцати лет, избавит вас от опасности заражения.

Под его полосатым галстуком идут субтитры, предназначенные таким, как мы, — учащимся коллѐжей:

Берегись деревьев, парень!

Снимешь маску — и увидишь смерть в лицо!

Если тебе не плевать на Родину и здоровье — защитись от пыльцы!

Грипп-V — это опасно, я выбираю вакцину!

— Тем не менее, — продолжает министр, — о любом дереве, предположительно распространяющем аллергенную пыльцу, необходимо сразу же сообщить компетентным службам, позвонив по зеленому номеру, который вы видите на экране.

Одновременно вместе с цифрами появляются субтитры:

Будь бдителен с гриппом-V!

— Для каждого, кто перед лицом экологической опасности вовремя не сообщит эту информацию, предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от четырех до шести месяцев в соответствии с Законом о национальной солидарности, — заключает министр, подняв указательный палец. — Здоровье, процветание, благополучие!

— Здоровье, процветание, благополучие! — повторяет наш учитель, вытягиваясь по стойке смирно под звуки гимна, которым завершается ролик.

Снова зажигается свет. Я смотрю на лица одноклассников. Никто не слушал речь министра. Некоторые сдвинули маску с носа и прикрыли ею глаза, чтобы удобнее было дремать. Другие сидят в наушниках и слушают музыку. Они уже так привыкли

к грозным предупреждениям, которые вдалбливает в головы правительство, чтобы держать людей в постоянном страхе, что от еще одного им ни горячо ни холодно. Опасность исходит от всего: от страдающих ожирением, от депрессивных, от тех, кто не сортирует отходы, от алкоголиков, курильщиков, неудачников...

Когда слишком много страхов, уже перестаешь бояться.

Я единственный знаю, что на сей раз опасность реальна и через несколько дней, несмотря на маски и вакцины, деревья уничтожат человеческий род.

Я знаю это наверняка, ведь все произошло по моей вине.

2

Меня зовут Томас Дримм, через три месяца мне стукнет тринадцать, и Министерство безопасности считает, что я представляю главную угрозу для общества. К счастью, это государственная тайна, поэтому никто в классе от меня не шарахается. После диверсии, которую я совершил вчера утром в Зюйдвиле, в Центре производства антиматерии*, вертолет Лили Ноктис доставил меня в коллеж, чтобы обеспечить мне прикрытие. Лили Ноктис — мой тайный союзник, самая прекрасная женщина в мире и одновременно новый министр игры. Конечно, есть еще Бренда — бывший врач и безработная модель, которую я взял себе в помощницы. Но с тех пор как Лили рассчитывает на меня в подготовке своей революции, Бренда уже не занимает все мои мысли. А если прибавить к этому Дженнифер, которая влюбилась в меня по уши, потому что я избавил ее от жировых складок, то у меня за последнюю неделю образовался некоторый переизбыток женского внимания... А сейчас для этого совершенно неподходящий момент.

* См. «Томас Дримм: конец света наступит в четверг». (Примеч. авт.)

— Думаешь, скоро мы все умрем? — с тревожным любопытством спрашивает Дженнифер через маску.

Я отвечаю:

— Не бойся, я здесь.

Она под партой украдкой берет меня за руку. Для нее мои слова означают, что я не брошу ее, если конец света действительно наступит. Но я-то хочу сказать, что сделаю все возможное для предотвращения катастрофы, которую сам же и вызвал.

— Вернемся к нашим баранам, — произносит учитель ОБЖ. — Вчера мы разбирали три Заповеди гражданина; кто скажет, какие именно?..

Он обводит класс вопросительным взглядом. Дженнифер и несколько двоечников вокруг меня красноречиво указывают на свои маски, как бы говоря: неразумно снимать их, чтобы ответить на вопрос, на который он сам знает ответ.

— «Играть, выигрывать и возвращать выигрыш обществу», — вздыхает господин Кац. — Большинству из вас скоро исполнится тринадцать лет, и церемония чипирования ознаменует ваше вступление в мир активных граждан. Вы должны будете питать энергией ваши мозговые чипы, играя по часу в день в казино. Жажда выигрыша, вибрационная связь с сетью игровых автоматов, мыслительная энергия, умноженная победами, сделают из вас ответственных взрослых, гордых тем, что, умирая, они возвращают обществу энергию своего чипа. Это понятно?

Все, кроме меня, кивают. После того как я вчера утром уничтожил над Объединенными Штатами Аннигиляционный экран, утилизация чипов стала бессмысленной. Души умерших страдали, когда энергия, накопленная в их чипах, использовалась повторно в целях экономии. Я освободил мертвых и в то же время, возможно, приговорил живых.

Я будто опять слышу насмешливый голос Оливье Нокса, министра энергоресурсов: «Видишь ли, дорогой Томас, Аннигиляционный экран был предназначен не только для того, чтобы

удерживать души и использовать их как источники энергии. Это было следствием, а не причиной. Нет, смысл существования Экрана состоял в том, чтобы препятствовать проникновению пыльцы и электромагнитных волн, с помощью которых лес уничтожил человечество на оставшейся части планеты. Завтра, в четверг, деревья за пределами нашего государства дадут сигнал нападения всем растениям Объединенных Штатов».

Население еще ничего не знает. Официально объявлено лишь о потенциальной опасности распространения вируса растительного гриппа, и в вертолете Лили Ноктис взяла с меня слово, что я буду держать это в тайне. Она утверждает, что распад общества спровоцирует революцию, но если люди узнают, что деревья уничтожили человеческий род в других странах и теперь пришел наш черед, то всеобщая паника не позволит организовать свержение режима. По ее словам, надо дать завершить кампанию вакцинации, а потом раскрывать правду понемногу, гомеопатическими дозами.

Я уже не знаю, кому верить. С самого начала мною манипулировали — и враги, и союзники, — и я уже устал от обманов. Мне навязывали решения, якобы необходимые для блага всего человечества, но в итоге это привело к катастрофе. А ведь я ни у кого ничего не просил. Тихо и незаметно жил себе, не видя впереди ничего хорошего и поставив крест на несбыточном. Но разве я виноват в этом? А в прошлое воскресенье в моей жизни появился профессор Пиктон. Из-за него я меньше чем за неделю распрощался с детством, похудел на десять килограммов, стал тайным супергероем и дважды влюбился. Если бы я только мог вернуться назад...

Когда вчера утром меня эвакуировали на вертолете из Центра производства антиматерии, последнее, что я увидел в иллюминатор, — это арест Бренды и отчаяние на ее лице. Она поддерживала под руку первую жертву деревьев — бывшего коллегу Лео Пиктона. Этот человек помог нам уничтожить

Аннигиляционный экран. И на него будто бы случайно обрушился огромный сук. Бренда кричала, что она врач и что этому человеку нужна помощь... Солдаты бросили ее в фургон, и с тех пор я о ней ничего не слышал.

«Не волнуйся, — сказала тогда Лили Ноктис. — Ее просто спрятали. Ради ее же собственной безопасности. Да и твоей тоже. Я знаю, ты к ней привязан. Но разве ты не заслуживаешь большего? Тем более теперь она ничем не сможет тебе помочь. Даже наоборот. И ты это прекрасно знаешь, ведь правда?»

Я промолчал. С одной стороны, было лестно, что министр игры словно бы ревнует меня, с другой — обидно за это презрительное замечание. Бренда Логан — первая женщина, которая заставила учащенно биться мое сердце. И я чувствую, что люблю ее даже сильнее с тех пор, как увлечен другой. Это непростая штука — любовь. Особенно когда судьба мира в твоих руках и ты не знаешь, кому можно довериться.

— Что скажешь? — шепотом спрашивает Дженнифер, выпячивая грудь, сдувшуюся вместе со всем остальным.

Она говорит, не разжимая губ и не спуская глаз с господина Каца, который продолжает разговаривать сам с собой. Я отвечаю, что урок такой же нудный, как всегда.

— Я имею в виду мою маечку, — бормочет она все так же сквозь зубы. — Когда я ее покупала, то думала о тебе.

Я отвечаю, что это она зря. Дженнифер обиженно пожимает плечами и отодвигается. Я сразу жалею о своей бестактности, но вообще-то меня такой поворот устраивает. Я не могу быть с ней откровенным, не подвергая ее опасности. С другой стороны, она восхищается мною, поэтому надо бы проявить снисходительность. Держать в себе тайну — тяжелый труд; это становится интересно, только если есть возможность доверить ее надежному человеку. Хотя надо всегда помнить, что ты можешь усугубить ситуацию, пытаясь сбросить с себя груз ответственности.

Нет, единственный, кому я хотел бы рассказать всю правду, — это мой отец. Но вчера, когда вертолет высадил меня на пустыре позади нашего дома, он был почти в коме. Мать сказала, он так переживал за меня, что наклеил себе штук двадцать антиалкогольных пластырей, лишь бы только не утопить свой страх в виски. И в результате превысил разрешенную дозу антиалкогольного средства.

Мать злится на него. Говорит, он подсознательно мешает нам — ей и мне — использовать наш единственный шанс подняться по социальной лестнице. Официально министр игры взяла меня под свое крыло, назначив рекламным лицом кампании, пропагандирующей пользу азартных игр, а моей матери, как психоаналитику, работающему в казино, поручила вести исследования в национальном масштабе. Для мамы это удача всей жизни, поэтому она даже больше, чем раньше, считает отца смертельной обузой. И это еще одна проблема, которую я должен решить. Вместо этого я просиживаю в коллеже в компании тупиц, которые держат меня за своего, и Дженнифер, недовольной тем, что я уделяю ей мало внимания.

Чудовищная усталость давит на затылок. В конце концов, предстоящий конец света не такая уж плохая вещь. Мне наконец не придется выбирать, действовать за других, мучиться угрызениями совести и ненавидеть себя за это...

Я сжимаю виски руками, будто размышляю над вопросом учителя, и проваливаюсь в сон, как в яму.

3

*Главная резиденция президента Объединенных Штатов,
11:00*

В кабинете главы государства вокруг длинного стеклянного стола собрались члены правительства. Лица их серьезные,

бледны и носят следы бессонных ночей. Только Эдгар Клоуз, министр зеленых насаждений, лопается от гордости. Лежащая перед ним папка с документами в три раза толще, чем у коллег, которые украдкой бросают на него неприязненные взгляды. Джек Эрмак, министр госбезопасности, посмотрев на часы, громко сообщает время, чтобы привлечь к себе внимание. Совет министров должен был начаться десять минут назад, и кофе в чашках уже остыл. Два стула по-прежнему не заняты: министра игры и министра энергоресурсов.

— Как самочувствие президента? — спрашивает министр здравоохранения у вице-президента.

— Бодр, — мрачно отвечает когда-то молодой наследник, который уже двадцать лет ждет, что отец освободит ему кресло.

— В последнее время он выглядит гораздо лучше, — льстиво, с садистской улыбкой замечает министр актуальных дел. — Он еще всех нас похоронит.

Дверь распаивается, и начальник протокола торжественно объявляет:

— Его превосходительство президент Освальд Нарко Третий.

Все разом встают. Президентское кресло-каталка с электрическим жужжанием объезжает стулья, чтобы в конце концов остановиться во главе стола. Лили Ноктис следует за ним, держа в руках красный прибор с двойной антенной. Обычно инвалидным креслом управляет начальник протокола. Но министр игры только что завтракала с президентом, и тот оказал ей честь управлять его креслом, чтобы таким образом отметить ее назначение в правительство.

Левое колесо наталкивается на ножку стола. Президент чуть не утыкается носом в скатерть, но ремень безопасности отбрасывает его назад, и он ударяется головой о спинку кресла. Лили Ноктис с улыбкой извиняется: у нее еще нет опыта.

Старый паралитик, утонувший в слишком просторном сером костюме, обводит пустым взглядом своих советников. Затем произносит дребезжащим голосом:

— Всё в порядке?

На физиономиях министров появляются вымученные улыбки.

— Всё в порядке, папа, — отвечает вице-президент, бросая беспокойный взгляд на Лили Ноктис.

Она опускает веки в знак согласия: в качестве друга семьи во время завтрака она обрисовала президенту надвигающуюся на страну катастрофу, чтобы ввести его в курс дела, но он уже все забыл.

— Начнем с энергетического кризиса, — решает Освальд Нарко Младший, который отвечает за повестку дня. — В отсутствие соответствующего министра, господина Оливье Нокса, который совершает инспекционную поездку по главным центрам повторной переработки, его отчет нам представит господин Эрмак, министр госбезопасности.

— Я полностью контролирую ситуацию! — яростно выкрикивает усатый карлик, сидящий вровень с коллегами благодаря трем подушкам, подложенным под ягодицы.

— А в чем дело? — удивляется президент. — Что-то случилось?

Собравшиеся выпускают красноречивые вздохи, качая головами. Министр госбезопасности продолжает своим резким голосом, стараясь говорить медленнее, чтобы старик его понял:

— Поскольку вы, господин президент, должно быть, игнорируете...

— Не знаете, — осторожно поправляет министр культуры, который при малейшей возможности старается оправдать свое присутствие, прекрасно понимая, что его функция чисто декоративная.

— Поскольку вы, должно быть, игнорируете тот факт, — сухо повторяет Джек Эрмак, расстреливая статиста взглядом, — что Аннигиляционный экран был только что выведен из строя террористом...

— Неужели? — с вежливым удивлением отзывается президент. — Кто же это сделал?

Лили Ноктис слегка приспускает застежку-молнию на своем жакете, который облегает ее как вторая кожа, и начинает речь в качестве соучредителя «Нокс-Ноктис» — компании, которая производит, вживляет и извлекает мозговые чипы. Она напоминает президенту, что юный Томас Дримм по наущению ученого Пиктона, вселившегося в его плюшевого медведя, разрушил Аннигиляционный экран, чтобы освободить души умерших, которые использовались в качестве источника энергии.

— Души... — задумчиво повторяет президент, и в его стеклянном взгляде отражается усилие понять, что это значит.

— То, что мы в просторечии называем душой, — вмешивается министр науки, — это совокупность субатомных частиц, сохраняющих в себе сознание человека после его смерти. Вместе с чипом, который извлекается из мозга, господин президент, мы получаем душу и используем ее повторно, а Аннигиляционный экран не дает ей покинуть материальный мир.

— Что со вчерашнего дня не соответствует действительности, — возражает Джек Эрмак. — Поступление энергии, которую мы получаем от повторного использования чипов, уменьшилось на восемьдесят процентов — это прямое следствие разрушения Экрана.

— Вы уже арестовали этого Томаса Дримма? — осведомляется госсекретарь у представителя Службы защиты детства.

— Нам выгоднее держать его на свободе под наблюдением, — отвечает Лили Ноктис, взглянув на карлика из госбезопасности;

тот отвечает понимающей улыбкой. — На всякий случай мы задержали его сообщницу Бренду Логан.

— Я уже завтракал? — неожиданно спрашивает президент.

Совет министров единодушно кивает. Однако начальник протокола, стоящий у входа в зал, вполголоса передает по внутренней связи распоряжение принести круассаны.

— Все наши технические службы, — уточняет Джек Эрмак, — трудятся над починкой защитного Экрана, чтобы остановить утечку энергии. Но мы не можем позволить себе сидеть сложа руки в ожидании, когда Экран отремонтируют... Для таких аварийных случаев у нас предусмотрен альтернативный источник энергии.

Заместитель госсекретаря по гражданским свободам скромно опускает глаза, словно демонстрируя, что не имеет отношения к этому плану. Однако спорить не решается, ведь любые возражения могут обернуться против него.

Джек Эрмак непринужденно заключает:

— Уже сейчас четыре тысячи заключенных в тюрьмах погружены в искусственную кому, помещены в фургоны по десять человек и используются в качестве генераторов энергии, заменив, таким образом, простаивающие генераторы в промышленных центрах.

Изображая скрещенными пальцами ножницы, вице-президент предлагает свернуть техническую часть объяснения: правое веко главы государства закрылось, и он наполовину спит.

— Но это альтернативное решение не рассчитано на долгую перспективу, — торопливо продолжает министр, повысив голос. — Страдания быстро истощают живых; их энергия возобновляется гораздо хуже, чем у мертвых. И если они не выдерживают пыток, их души улетаются, и повторно использовать

нечего. Хочу отметить, что мы провели операцию очень быстро и население ни о чем не подозревает.

Лили Ноктис поднимает глаза к люстре под потолком — туда, где находится моя точка обзора. Я знал, что она чувствует мое присутствие, и теперь она подтверждает это, подмигнув мне. Не понимаю, каким образом я наблюдаю за этой сценой и почему эти люди, которых я практически не знаю, кажутся мне такими знакомыми. Единственное, в чем я уверен, — это в том, что я — тот самый Томас Дримм, о котором они говорят, и меня гложет раскаяние, когда они упоминают о разрушении Аннигиляционного экрана. Я действовал из правильных побуждений, но последствия приводят меня в ужас.

— Значит, всё в порядке, — заключает президент, подняв правое веко.

— В этом отношении — да, — отвечает министр зеленых насаждений, нетерпеливо барабанив пальцами по папке с документами, раздраженный тем, что его лишили эффектного выступления. — Но вы должны объявить войну.

Недовольный шепот подчеркивает неуместную грубость Эдгара Клоуза.

«Все-таки надо хоть немного соблюдать протокол, — говорят их взгляды, — и создавать у правителя впечатление, будто все решения исходят от него».

— О! Но кому? — недоумевает президент. — Ведь на Земле остались только Объединенные Штаты?

Министры с готовностью кивают. Отрадно, что правитель сохранил какие-то остатки памяти. Пока он способен в таком состоянии выполнять функции президента, они полностью удовлетворены. Они прекрасно понимают, что вице-президент, дорвавшись до власти, не позволит так собой манипулировать.

— Кому объявлять войну? — повторяет Освальд Нарко Третий.

— Деревьям! — веско отвечает министр зеленых насаждений. — Экран защищал нас от их ядовитой пыльцы, которая, к сожалению, погубила все человечество по другую сторону наших границ.

— Ложь! — вдруг вскипает президент, вцепившись в подлокотники кресла — одно из немногих движений, на которые он еще способен. — Это мой дед объявил Превентивную войну иностранным государствам! Это он, он один уничтожил всех, чтобы защитить свободный мир от вторжения религиозных фанатиков!

Министры понимающе переглядываются. Нет ничего удивительного, что в своем старческом маразме властитель принимает за правду официальную версию, изложенную в учебниках. Вице-президент с сыновней почтительностью напоминает отцу, что иностранные деревья целы и невредимы и даже заразили нашу национальную флору.

— Негодяи! — отчетливо произносит президент, трясая подбородком.

— Наши специалисты-ботаники определили скорость распространения эпидемии, — продолжает министр зеленых насаждений. — По предварительным оценкам, растения общаются друг с другом с помощью химических сигналов и волн, выделяя пыльцу, которая распространяется на расстояние до шести метров. Время, за которое одно дерево передает другому вирусную информацию, мы оцениваем в тридцать минут.

— Каковы симптомы заболевания? — спрашивает министр здравоохранения.

Лили Ноктис смотрит прямо на меня, и в ту же секунду воздух обжигает мне горло, сердце начинает стучать как бешеное, а глаза грозят выскочить из орбит. Министр зеленых насаждений отвечает своему коллеге, описывая научными словами

именно то, что я сейчас чувствую. Он добавляет, что зараженный человек умирает буквально через несколько минут в результате сильнейшей легочной инфекции.

— Исходя из ситуации, я прошу объявить военное положение и предоставить армию в мое полное распоряжение.

Генерал Неттер, министр мира, так резко вскакивает, что все его медали дружно звякают.

— Это еще зачем? — кричит он.

— Необходимо лишить деревья неприкосновенности. Ведь по Закону об экологии на сруб каждого ствола нужно получать разрешение администрации. Это практически невозможно. Что касается ваших войск, генерал, они предназначены для войны с людьми, а не с деревьями. Необходимо, чтобы ваши солдаты подчинялись моим ботаникам, иначе нам не избежать поражения. Вспомните, что произошло во всем остальном мире.

Пальцы генерала нервно сжимают край стола. Посреди молчания вдруг открывается дверь, и на пороге появляется официант. Он ставит перед президентом корзинку с круассанами, на которую тот смотрит с большим удивлением.

По знаку Эдгара Клоуза начальник протокола приводит в действие экран, скрытый в стене. На экране появляется трехмерная голографическая карта страны. Границы, лишённые защиты Аннигиляционного экрана, охвачены зелеными джунглями, разрастающимися прямо на глазах. Как при ускоренной съемке.

— Наш единственно возможный контрудар — это огонь. Если сжечь лесную полосу шириной двадцать километров вдоль всей границы, мы остановим эпидемию.

— Какую эпидемию? — спрашивает президент.

— Министерство зеленых насаждений получает все полномочия и будет нести полную ответственность за операцию! —